

в их музыкальное содержание, несмотря на то, что последнее имеет большое значение при установлении возраста музыкального памятника и многих других его особенностей. Это, бесспорно, дело не палеографа, а музыканта. Зато изучение нотаций певческих рукописей с внешней стороны — это дело палеографа, который не может проходить мимо него.

Всякому ясно, что любое руководство по палеографии подверглось бы самой суровой критике (и совершенно справедливо), если бы его автор ничего не сказал о заставках, орнаменте и миниатюрах на том основании, что он не художник. Поэтому и забвение палеографами певческих нотаций не может быть оправдано тем, что это якобы не палеография а музыка.

Певческая рукопись — это специфический вид рукописи, но что же из этого? Свою специфику имеет любая рукопись, но, повторяем, специфика певческих нотаций должна стоять рядом со всеми другими средствами, которыми пользуется в своей работе палеограф. Во всяком случае не подлежит сомнению то, что в некоторых случаях и в тех пределах, в которых это вообще возможно, полное определение и датировка певческой рукописи не могут быть достигнуты средствами одной общей палеографии, без привлечения певческих нотаций.

Можно было бы сообщить много интересного относительно того, какой свет проливает и на возраст и на происхождение певческой рукописи изучение содержащихся в ней напевов с чисто-музыкальной стороны, ибо происхождение некоторых роспевов и вариантов знаменного пения связано с определенными территориями и именами деятелей церковно-певческого искусства: таковы Соловецкий и Усольский „переводы“, Христианинов „роспев“, „произвол“, стихиры „деспота российского“ Ивана Грозного, „роспев“ царя Алексея Михайловича и многое другое.

Исследователь рукописи всегда обращает внимание на то, где, в каком монастыре написана рукопись, о каких святых имеется упоминание и т. п. А если ничего этого нет, а есть только почерк знамен XVI в. и упоминание о „деспоте российском“ — разве не заставляет это вспоминать о слободе Александровской? Имена роспевщиков служат своего рода „ориентирами“, приводящими к тем областям или городам, в которых протекала их жизнь и деятельность.

Подчеркиваем еще раз, что в области певческой палеографии, как и в общей палеографии, не все приемы определения возраста и происхождения рукописей равноценны. Среди них относительно немногие позволяют составить характеристику рукописей „сразу“, не прибегая к более кропотливой их обработке. Но возможности музыкально-певческой палеографии вполне достаточны для того, чтобы определить рукопись, пользуясь совокупностью признаков и даже не прибегая к общепалеографическим методам. Из сказанного, конечно, мы отнюдь не делаем вывода, что певческие и общепалеографические методы исключают друг друга. Наоборот, дополняя друг друга, они служат одним и тем же це-